

**ВОПРОСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО И
НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН**

Мирзаахмедов М. Х.

Каракалпакский государственный университет имени Бердаха

Аннотация: Статья анализирует эволюцию взаимодействия международного и национального права в Республике Узбекистан в условиях глобализации и современных правовых доктрин. Рассматриваются ключевые вопросы взаимосвязи правовых систем, а также подробно исследуются механизмы восприятия, внедрения и включения международных правовых норм, такие как трансформация, инкорпорация и рецепция, в национальное законодательство. Особое внимание уделяется конституционному закреплению принципа приоритета международных договоров и нормам прямого действия в области прав человека. Анализируются различные типы взаимодействия международных и внутригосударственных правовых регуляторов, а также проводится сравнительный анализ узбекистанской модели с моделями других стран, включая Германию и Казахстан. В заключение формулируются рекомендации по дальнейшей гармонизации законодательства и развитию судебной практики.

Ключевые слова: международное право, национальное право, имплементация, правовая система Республики Узбекистан, эволюция правовой системы, юридическая гармонизация, конституционный приоритет, суверенный прагматизм.

Современное мировое развитие сопровождается формированием единого глобального экономического, политического и информационного пространства, что способствует процессу глобализации. В условиях возрастающей взаимозависимости между участниками мирового сообщества, усиления влияния информационно-телекоммуникационных технологий, трансграничных финансовых потоков и миграции капитала, национальные правовые системы утрачивают возможность функционировать в изоляции. Развитие правовой системы любого государства, в том числе Республики Узбекистан, определяется не только внутренними процессами, но и ключевыми внешними факторами, такими как глобальная политическая и экономическая интеграция. Эта взаимосвязь обуславливает выраженное взаимное влияние правовых систем. Каждая правовая система формируется как результат внутреннего правового развития общества и внешнего мирового взаимодействия. Контакт устоявшейся правовой системы с новой, более динамичной системой приводит к интеграции правовых моделей. Данная интеграция охватывает не только

межгосударственные отношения, но и внутренние правоотношения, поскольку международное право способно регулировать и их, устраняя четкое разграничение между сферами действия национального и международного права.

Исследование взаимосвязи государственного и международного права занимает особенное место в науке, представляя интерес как для специалистов по международному праву, так и для теоретиков государства и права. Взаимодействие норм международного и национального права происходит при регулировании правоотношений, имеющих общий объект для обеих систем. Несмотря на актуальность этой проблематики, в научном сообществе Республики Узбекистан, как отмечают исследователи, отсутствует единый подход к определению и правовой характеристике процесса взаимодействия, который ведет к имплементации международно-правовых норм в национальную правовую систему. Существует недостаток в обстоятельном изучении международных соглашений, оказывающих существенное влияние на юридическое регулирование. Этот дефицит требует устранения путем проведения комплексного историко-правового анализа национального законодательства, учитывающего эволюцию межгосударственных связей.

Основная цель данной работы заключается в рассмотрении вопросов устранения методологического пробела путем детального анализа узбекистанской модели, уточнения понятийного аппарата и выявления закономерностей функционирования государственно-правовых систем Республики Узбекистан в контексте мировых правовых практик.

Традиционно в доктрине выделяются две основные концепции, объясняющие взаимоотношения между международным и национальным правом: монистическая и дуалистическая. Монистическая концепция предполагает, что международное право и национальное право являются частями единой правовой системы. В этой модели нормы международного права непосредственно входят в правовую систему государства и, как правило, имеют приоритет над национальными нормами. Например, Германия, которую часто приводят в качестве примера монистической системы, где международные нормы автоматически применяются, хотя на практике это требует оговорок. Дуалистическая концепция, напротив, рассматривает международное и национальное право, как две самостоятельные, независимые и равноправные правовые системы.

Выдающийся советский правовед Г. И. Тункин придерживался взгляда, что международное и национальное право представляют собой две самостоятельные системы права. Он категорически отвергал как монизм с приматом национального права (как не соответствующий природе современного

международного права), так и монизм с приматом международного права (как не учитывающий суверенитет государства). По его мнению, взаимодействие этих систем основывается на согласованной воле государств, а для действия международной нормы во внутригосударственной сфере требуется акт трансформации или имплементации¹. А профессор Е. Т. Усенко развивал идеи о тесном взаимодействии двух систем, подчеркивая, что, будучи самостоятельными, они не могут быть совершенно изолированными. Он акцентировал внимание на том, что отношения между международным и внутригосударственным правом — это не отношения субординации (подчинения), а отношения координации и сотрудничества. Это взаимодействие является необходимым условием для эффективного выполнения международных обязательств государством². В нашем случае, для применения международной нормы внутри государства необходимо ее имплементировать или трансформировать через национальное законодательство. Классическим примером такой системы является Великобритания.

Критический анализ показывает, что в современном мире чистые монистические или дуалистические модели практически не встречаются. Правовые системы демонстрируют сложный, смешанный характер, который сочетает черты обеих концепций, стремясь к прагматичному взаимодействию. Современные смешанные модели отражают принцип коэволюции, при котором развитие одной правовой системы неизбежно влияет на другую. Оценка влияния международного права на жизнь населения определяется концепцией и характером взаимодействия между международным и внутригосударственным правом.

Наблюдается глобальный тренд, при котором государства, даже те, которые традиционно относят к монистическим, сохраняют суверенный контроль над механизмом прямого действия международно-правовых норм. Например, в Федеративной Республике Германия, действие норм европейского права, несмотря на их провозглашенный приоритет, зависит от «приказа на применение права», содержащегося в ратификационном законе. Федеральный Конституционный суд ФРГ подчеркнул, что Германия сохраняет качество суверенного государства, исходя из своего собственного права. Это свидетельствует о том, что конституционный приоритет, даже в развитых правовых системах, часто является ограниченным или санкционированным национальным правом³. Применение данного вывода к Узбекистану позволяет

¹ Тункин Г. И. Право и сила в международной системе. Москва: Международные отношения, 1983. С. 98.

² Усенко Е. Т. Соотношение и взаимодействие международного и национального права и Российская Конституция. // Московский журнал международного права. 1995. № 2. С. 13-14.

³ «Прямое» действие норм ЕС в немецком праве // <http://www.sov-europe.ru/images/pdf/2017/2-2017/Klemin-2-2017.pdf>

заклучить, что узбекистанская «смешанная модель» является не просто компромиссом, а стратегически обоснованным подходом, позволяющим максимально использовать преимущества международной интеграции (гармонизация законодательства) при сохранении контроля над внутренними правоприменительными процессами и обеспечением приоритета национальных интересов.

Республика Узбекистан, являясь суверенным демократическим государством, задекларировала свою приверженность защите прав человека и признала верховенство общепризнанных норм международного права. В основу конституционных гарантий страны положен принцип добросовестного выполнения обязательств, проистекающих из фундаментальных принципов и норм международного правопорядка, а также из международных договорных обязательств, подписанных Узбекистаном. Институционализация данного принципа в тексте Конституции демонстрирует полное соответствие Узбекистана общепризнанным нормам международного законодательства, а также подтверждает готовность государства строго и последовательно соблюдать взятые на себя договорные обязательства. Эти нормы, интегрированные в национальную правовую систему, формируют ключевую гарантию верховенства международного права на уровне внутреннего законодательства. В практическом аспекте особую важность приобретает процесс согласования норм международного права с национальными правовыми актами, или их гармонизация, которая способствует повышению эффективности внутренней правовой системы и укрепляет результативность применения международно-правовых норм.

Установленное Конституцией иерархическое превосходство норм ратифицированных международных договоров над нормами внутреннего законодательства отражает формальное закрепление принципа примата международного права. Это положение выполняет функцию высшей национально-правовой гарантии обеспечения соблюдения международных обязательств Республики Узбекистан и свидетельствует о стремлении к правовой интеграции в международное сообщество.

Таким образом, Республика Узбекистан на конституционном уровне институционализирует монистический подход в регулировании коллизий между нормами национального законодательства и международных договоров, что подтверждает ее ориентацию на соблюдение универсальных норм и стандартов международного права.

Несмотря на конституционное закрепление приоритета договора (монистический элемент) анализ правоприменительной практики показывает, что реализация международных норм требует их включения в национальное

законодательство, что является устойчивым признаком дуалистического подхода. Этот дуализм проявляется в том, что конституционный приоритет, установленный Статьей 15, в большинстве случаев не означает автоматического и абсолютного прямого действия нормы. Скорее, он функционирует как юридическая инструкция для правоприменителя в случае возникновения коллизии. Однако для того, чтобы международная норма стала частью внутригосударственного правового оборота, ей необходим акт трансформации. Например, ратификация конвенции, как в случае с Конвенцией МОТ №132, требует принятия отдельного закона (ЗРУ-994 от 07.11.2024 г.)⁴. Факт необходимости принятия такого закона уже после вступления в силу Новой Конституции 2023 года демонстрирует, что законодательный орган сохраняет контроль над моментом и способом введения договорных норм в действие.

Таким образом, Узбекистан практикует смешанную модель, которую можно охарактеризовать как конституционный монизм с практическим дуалистическим обеспечением. Эта модель позволяет государству использовать международные стандарты для модернизации (гармонизация) и одновременно сохранять суверенный контроль над внутренними правоприменительными процессами.

Сфера прав человека занимает особое место в процессе имплементации. Узбекистан демонстрирует высокую активность в этой области, ратифицировав более 80 международных документов, связанных с правами и свободами человека. Государство активно участвует в системе ООН, став в 2020 году членом Совета по правам человека, и регулярно представляет периодические доклады (41 доклад) о выполнении рекомендаций договорных органов. Достигнут значительный прогресс в обеспечении гендерного равенства, сокращении числа лиц без гражданства, а также искоренении детского и принудительного труда. Эволюция правовой системы Республики Узбекистан привела к тому, что в Основном законе впервые закрепляются нормы прямого действия в вопросах обеспечения прав и свобод человека. Соответственно, Статья 56 Конституции гарантирует, что государство создает условия для деятельности национальных институтов по правам человека⁵. Если для общих договорных норм сохраняется трансформация, то в сфере прав человека Конституция сознательно создает монистический островок, где нормы могут действовать непосредственно, что соответствует мировым тенденциям защиты личности. Это является принципиально новым явлением в правовой практике Узбекистана и отражением процесса рецепции международных стандартов.

⁴ Закон Республики Узбекистан от 07.11.2024 г. N ЗРУ-994 О ратификации Конвенции Международной организации труда N 132 об оплачиваемых отпусках (пересмотренной в 1970 году).

⁵ Конституция Республики Узбекистан принята 8 декабря 1992г. (с изм. и доп. По состоянию на 30 апреля 2023г.) // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан.

Имплементация норм международного права охватывает все больше областей и выходит за рамки простой трансформации международно-правовых норм. Ряд ученых склоняются к тому, что инкорпорация, рецепция и отсылка к нормам международного права также представляют собой способы воплощения этих норм в национальном законодательстве. Следовательно, имплементацию норм международного права следует трактовать как фактическое включение общепризнанных принципов и норм международного права в национальную правовую систему. Это может происходить посредством трансформации, рецепции, инкорпорации, адаптации, а также через отсылку к соответствующим международно-правовым актам.

Классический механизм трансформации демонстрирует Закон Республики Узбекистан от 07.11.2024 г. ЗРУ-994 «О ратификации Конвенции Международной организации труда №132 об оплачиваемых отпусках (пересмотренной в 1970 году)». Ратификация, требующая принятия отдельного национального закона, подтверждает, что даже при конституционном приоритете, законодательный орган (Олий Мажлис) сохраняет за собой функцию фильтра и санкционирующего органа, определяющего момент вступления международной нормы в национальный правопорядок.

Ярким примером гибридного подхода является Закон Республики Узбекистан «О противодействии торговле людьми» (принят 18 марта 2008 года)⁶. Этот закон не только определяет ключевые понятия (например, торговля людьми как вербовка, перевозка, передача с целью эксплуатации), но и прямо закрепляет принцип приоритета (инкорпорация): «Если международным договором Республики Узбекистан установлены иные правила, чем те, которые предусмотрены законодательством Республики Узбекистан о противодействии торговле людьми, то применяются правила международного договора». Таким образом, национальный законодатель создает свой акт (дуализм), но одновременно юридически фиксирует его подчиненность ратифицированному международному акту (конституционный монизм).

Правовая система Республики Казахстан демонстрирует региональный тренд на высокую процедурную формализацию при принятии международных обязательств. Хотя Конституция Казахстана также закрепляет приоритет ратифицированных договоров, процесс их заключения включает научную экспертизу и структурированные предложения о ратификации со стороны государственных органов⁷. Как и в Узбекистане, в Казахстане наблюдается стремление к тщательному контролю на этапе вхождения норм в силу. Обе страны Центральной Азии избрали путь, при котором конституционный

⁶ Закон Республики Узбекистан «О противодействии торговле людьми» (Принят Законодательной палатой 18 марта 2008 года).

⁷ О научном анализе международных договоров в Республике Казахстан // Статья 4 Закона РК.

приоритет, если он и существует, всегда сопровождается дуалистическим процедурным фильтром. Этот фильтр обеспечивает юридическую осторожность и гарантирует, что международные нормы не вступают в силу без тщательной внутренней подготовки и санкционирования.

Германия традиционно относится к монистическим системам. Общеизвестные принципы международного права являются частью федерального права (ст. 25 Основного закона ФРГ). Тем не менее, как установил Федеральный Конституционный суд (Urteil vom 12.10.1993), действие норм европейского права, несмотря на их провозглашенный приоритет, полностью зависит от позиции Берлина. Правовой основой для действия евроактов в ФРГ являются не внешние конвенции, а только германские законы: Конституция ФРГ, решения федеральных судов и, самое главное, ратификационные законы. Действие и применение европейского права в Германии зависят от наличия «приказа на применение права» (Befehl zur Anwendung), содержащегося во внутреннем акте⁸. Это означает, что даже в рамках формально монистической системы Германия оставляет за собой право суверенного государства регулировать механизм введения международных норм в действие, что является проявлением фактического дуализма. Модель ФРГ — формальный монизм, контролируемый фактическим дуализмом — является теоретическим аналогом смешанной модели Узбекистана. Обе системы демонстрируют, что сохранение суверенитета при активной международной интеграции достигается путем требования внутреннего санкционирования (трансформации или приказа на применение), даже при наличии конституционного признания приоритета.

Модели Узбекистана, Казахстана и Германии, несмотря на их юридические различия, демонстрируют общую тенденцию: отказ от чистых форм монизма и дуализма в пользу сбалансированных смешанных моделей. В современном мире суверенитет государства проявляется не в изоляции от международного права, а в контроле над его имплементацией. Сравнительный анализ показывает, что узбекистанская модель не является уникальной, а соответствует глобальному тренду, где даже традиционно монистические государства (как ФРГ) используют внутренние механизмы контроля для сохранения суверенитета над применением международного права.

Для устранения заявленного научного дефицита критически важно провести комплексное исследование и унифицировать понятийный аппарат в отношении методов имплементации (трансформация, инкорпорация, рецепция, адаптация). Это обеспечит методологическую ясность в академической среде и повысит точность законодательной техники. Необходимо разработать четкие

⁸ «Прямое» действие норм ЕС в немецком праве // <http://www.sov-europe.ru/images/pdf/2017/2-2017/Klemin-2-2017.pdf>

руководящие разъяснения Верховного Суда Республики Узбекистан по вопросам применения и прямого действия международных норм, особенно в контексте прав и свобод человека. Это обеспечит единообразие правоприменения и определит, какие именно положения международных договоров могут применяться судами непосредственно, без дополнительного национального акта. А также практика реализации и исследование взаимосвязи норм международного и национального права должна основываться, с одной стороны, на глубоких теоретических исследованиях и юридическом оформлении, а с другой – на необходимости обеспечения приоритета национальных интересов.

Проблема взаимодействия и влияния национального и международного права продолжает оставаться актуальной как для отечественной правовой мысли, так и для практической сферы правоприменения. Принятие Новой Конституции в Узбекистане закрепило смешанную правовую модель, объединяющую черты конституционного монизма с механизмами дуализма на практике. Такой подход представляется прагматичным ответом на вызовы глобализации, позволяя республике эффективно выполнять международные обязательства и внедрять современные правовые стандарты (особенно в области прав человека, где применяются нормы прямого действия), сохраняя при этом суверенный контроль над вопросами их реализации.

Анализ показал значимость теоретических вопросов, связанных с процессами имплементации норм международного права в национальное законодательство. Проблемы, такие как отсутствие единого подхода к правовой характеристике этих процессов и недостаток глубокого исследования международных соглашений, представляют собой серьезные вызовы. Учитывая специфику выявленной смешанной правовой модели, которая основывается на конституционном приоритете при одновременном требовании внутреннего санкционирования, устранение методологических недостатков становится критически важным.

Для дальнейшего совершенствования правовой системы Узбекистана необходимо стремиться к созданию сбалансированного механизма согласования государственного и международного права. Это предполагает работу над гармонизацией законодательства на основе анализа историко-правовых данных, а также изучения закономерностей развития правовых систем. Конечная цель заключается в обеспечении такой правовой среды, где нормы национального и международного права не только взаимодействуют, но и взаимно усиливают друг друга, способствуя устойчивому демократическому развитию страны.

Список литературы:

1. Конституция Республики Узбекистан принята 8 декабря 1992г. (с изм. и доп. По состоянию на 30 апреля 2023г.) // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан.
2. Исмаилов Б. Фундамент государственности // Народное слово. 2024. 24 апр. С. 4.
3. Кикотя В. Я. О некоторых аспектах взаимодействия международного и национального права // ADVANCES IN LAW STUDIES. 2021. №4. С. 51-55.
4. Международное сотрудничество в сфере борьбы с преступностью. URL: <https://kpfu.ru/>
5. «Прямое» действие норм ЕС в немецком праве // <http://www.sov-europe.ru/images/pdf/2017/2-2017/Klemin-2-2017.pdf>
6. Закон Республики Узбекистан от 07.11.2024 г. N ЗРУ-994 О ратификации Конвенции Международной организации труда N 132 об оплачиваемых отпусках (пересмотренной в 1970 году).
7. Закон Республики Узбекистан «О противодействии торговле людьми» (Принят Законодательной палатой 18 марта 2008 года).
8. О научном анализе международных договоров в Республике Казахстан // Статья 4 Закона РК.
URL:(https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30012948)
9. Сайт Национальной базы данных законодательства Республики Узбекистан: <https://nrm.uz/contentf>